Артем Новых

Город на чужих швах: Пустой рейс

18+

Артем Новых

Город на чужих швах: Пустой рейс

«Автор»
2026

Новых А.

Город на чужих швах: Пустой рейс / А. Новых — «Автор», 2026

Проверка складских пожаров кажется для Родиона Гущина обычным поручением страховой компании. Но вскоре детектив получает предупреждение: «Вы взяли не то дело».Вместе с Диком он разбирается в документах сгоревших складов и одновременно пытается понять, почему автобусы отменённого маршрута продолжают появляться на улицах без пассажиров. Запросы остаются без ясного ответа, свидетели знают лишь часть истории, а неизвестный голос требует не лезть в рейсы.Пока Гущин ищет факты, Дику приходится разбираться с тревогой другого рода: мать одного из воспитанников спортивной секции просит его помочь понять, что происходит на дополнительных занятиях. И на работе, и дома друзьям предстоит решить, как далеко заходить в поисках правды — и что они вправе скрывать друг от друга.

© Новых А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Гул под утро 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Артем Новых
Город на чужих швах: Пустой рейс

Пролог. Гул под утро

К четырём утра депо не спало — просто говорило тише. В ремонтном корпусе гудела вытяжка, у проходной шипел радиатор, на дальней площадке кто-то коротко и зло стукнул по металлу. Между автобусами лежали островки света от ламп на высоких столбах. За забором город ещё не проснулся, но уже начинал двигаться: редкая машина проезжала по мокрой дороге, на остановке напротив дрожал пустой рекламный щит.

Громов стоял у окна диспетчерской и держал бумажный стакан обеими руками. Кофе остыл, но он не заметил. На табло перед дежурной горел ряд смен и номеров машин. Одну строку кто-то перечеркнул и поверх карандашом добавил короткую пометку, которую из окна было не разобрать. Здесь не любили перемен: даже когда расписание менялось, старые записи держались до последнего, словно надеялись пережить новые.

Сергей Кулагин вышел с ремонтного участка, застёгивая куртку. На плече у него темнело пятно от воды. В одной руке он держал термос, в другой — пачку мелких бланков, сложенных пополам.

— У тебя кофе опять умер, — сказал он, взглянув на стакан Громова.

— Он не умер. Просто перестал подавать признаки жизни.

— Так и люди иногда.

Громов посмотрел на него. Кулагин не улыбался. Потом всё-таки дёрнул уголком рта и поставил термос на подоконник.

Они знали друг друга достаточно давно, чтобы не спрашивать, кто как спал и почему задержался после смены. Кулагин был из тех, кто замечал мелочи, но не превращал каждую в отдельную историю. Если автобус скрипел на повороте, он говорил об этом. Если запись в журнале не совпадала с фактом, просил проверить. Обычно на этом и останавливался.

— На третьей машине опять дверь не закрылась, — сказал он. — Водитель в журнале написал, что сработала с третьего раза.

— Значит, сработала.

— Значит, неисправность так и осталась. Но журнал теперь выглядит спокойнее.

— Запись для журнала или дверь для людей?

— Для людей. Журнал сам на остановке не стоит.

Он убрал бланки в нагрудный карман и отхлебнул из термоса. От него поднялся едва заметный пар. Громов предложил ему стакан с остатками кофе; Кулагин отказался, даже не попробовав.

На экране над диспетчерским столом обновились строки. Рядом с номером маршрута загорелось слово «снят». Дежурная за стеклом приблизила лист к монитору, сверила несколько цифр и вернулась к клавиатуре. Громов видел её отражение: усталое лицо, волосы, убранные под заколку, пальцы, которые двигались быстро и почти бесшумно.

— Что там? — спросил Кулагин.

— Статус поменяли.

— На какой?

— Не видно.

— Тогда зачем сказал?

— Чтобы ты подошёл ближе.

Кулагин фыркнул и снова посмотрел в сторону ремонтного корпуса. Там в открытом проёме под потолочными лампами стоял автобус с выключенными фарами. На лобовом стекле не было таблички маршрута, только пустой прямоугольник пластика. Кто-то оставил дверь приоткрытой, и салон казался тёмным, глубоким, как коридор без окон.

— Ты проверил площадку у ворот? — спросил Кулагин.

— До моего прихода проверили.

— Кто проверил?

— Я не знаю.

— Вот и я не знаю. Но если утром там будет стоять машина, все скажут, что так и было.

Громов поставил стакан на подоконник.

— Ты сегодня всё собираешься проверять?

— Только то, что потом будет некому объяснить.

Они направились через боковую дверь к площадке. Громов шёл первым и придержал створку, чтобы не хлопнула. На улице было холоднее, чем казалось из окна. Мокрый асфальт отражал свет, и от автобусных колёс тянуло сыростью. У ремонтного корпуса работник в яркой жилетке убирал шланг, аккуратно сворачивая его кольцами. Ещё двое стояли возле ворот и о чём-то говорили, не повышая голоса.

Кулагин остановился у линии, отделявшей проход от места, где обычно маневрировали машины.

— Смотри, — сказал он.

Громов проследил за его взглядом. За воротами, на дороге, проплыл автобус. Салон казался пустым, а на переднем табло горела цифра четырнадцать. Машина шла медленно, без резких торможений, и через несколько секунд скрылась за поворотом.

Громов посмотрел в сторону диспетчерской. На экране за стеклом теперь можно было разобрать строку маршрута: «отменён».

— Может, технический, — сказал он.

— Может.

— Табло не всегда обновляется сразу.

— Может, — повторил Кулагин. Он не выглядел убеждённым, но и спорить не стал. — Запиши время. Просто время.

Громов посмотрел на часы и назвал время. Кулагин повторил его про себя, потом вынул из кармана карандаш и сделал отметку на обороте одного из бланков. Не в журнале, не в общей ведомости — на отдельном клочке бумаги, который можно было выбросить, если выяснится, что ничего особенного не произошло.

— Ты будешь хранить эту бумажку? — спросил Громов.

— Пока не разберусь, что это за бумажка.

С дальнего конца площадки донёсся звук, будто что-то тяжёлое соскользнуло по металлу и ударилось о землю. Не громко, но неожиданно. Работник со шлангом поднял голову. За воротами остановилась машина. В ремонтном корпусе выключили музыку.

Громов первым двинулся к звуку. Не побежал — место было заставлено автобусами, а на мокром покрытии легко было поскользнуться. Кулагин шёл рядом, убирая бланк обратно в карман.

У стоявшего автобуса Громов свернул в узкий проход между машиной и стеной мойки. Кулагин остался по другую сторону автобуса. Громов обогнул его заднюю часть и увидел Сергея на земле.

Тот лежал на боку у бетонного края площадки, одна рука оказалась под ним. Термос докатился по наклонному участку, ударился о колесо и замер. Рядом лежала рабочая перчатка. Кулагин не упирался в автобус; между ним и машиной оставалось достаточно места. Ничего не объясняло, как именно он оказался на земле.

— Серёга.

Громов опустился на колено и назвал его ещё раз. Кулагин не ответил. Лицо было бледным, но в тусклом свете трудно было понять, насколько. Громов осторожно проверил дыхание, как когда-то показывали на инструктаже, и не обнаружил его.

— Вызовите скорую! — крикнул он.

Работник в жилетке уже бежал к проходной. Другой достал телефон, но замер, глядя на экран, словно забыл, куда нажимать. Громов назвал ему адрес депо и номер ворот. Мужчина повторил это диспетчеру, сбиваясь на цифрах.

— Скажи, что он без сознания и не дышит, — добавил Громов.

Мужчина передал слова диспетчеру и включил громкую связь. Громов следовал его указаниям до приезда медиков. Когда ему потребовалась помощь, человек с телефоном опустился рядом.

Вокруг уже собирались люди. Кто-то предложил принести аптечку. Кто-то спрашивал, что произошло. Громов не отвечал: он считал вслух и слушал голос из телефона.

Наконец диспетчер сказал, что бригада выехала. У ворот оставили свободный проезд. Кто-то поднял шлагбаум, кто-то побежал предупреждать сторожа. Снаружи медленно шёл мелкий дождь. В темноте его почти не было видно, но на бетонных плитах появлялись тёмные точки.

Верещагин вышел из административного корпуса раньше, чем показались огни скорой. Громов заметил его через стеклянную дверь: крупный мужчина в тёмном пальто, застёгнутом до середины, с коротко подстриженными волосами. Он сначала посмотрел на людей, потом на проход к воротам, потом на Кулагина.

— Кто вызвал? — спросил он.

— Я, — ответил работник с телефоном. — По просьбе Громова.

— Время?

— Несколько минут назад.

Верещагин взглянул на часы.

— Запиши точно, как только проверишь. Не по памяти. По журналу звонка.

— Запишу.

— Остальные — освободите проход. То, что лежит рядом, пока не трогайте.

Он говорил тихо, но люди вокруг сразу расступились. Не из страха — скорее потому, что тон был привычен для человека, который много раз заставлял разные службы работать в одном порядке. Верещагин не повышал голос и не раздавал угроз. Он распределял задачи: освободить проезд, записать время звонка, установить, кто был рядом, проверить доступ в здание.

Огни скорой появились за оградой, но машина не сразу смогла въехать: у ворот остановился грузовой фургон, который разворачивался на узкой улице. Дежурный выбежал к проезду и махнул рукой. Пока ворота открывали, Верещагин попросил одного из работников освободить проход к площадке, а остальных отвести к стене.

Медики быстро подошли к Кулагину. Один опустился рядом и сменил Громова, другой раскрыл сумку. Громов отступил на шаг. Он не пытался вглядеться в их движения; смотрел на собственные ботинки, мокрые от дождя, и на оброненную перчатку у края бетонной плиты.

Всё заняло несколько минут. Потом медик поднялся и тихо обменялся словами с напарником. Он назвал время и сказал, что Кулагин умер.

Громов услышал слова, но не сразу понял их. Вокруг продолжали двигаться люди: медики убирали оборудование, Верещагин говорил с диспетчером, работник у ворот повторял кому-то адрес.

Громов смотрел на термос. Он лежал на боку, крышка немного открутилась. На бетоне осталась тёмная полоска чая. Кулагин всегда закрывал термос до конца. Утром он бы заметил протечку и начал ругаться на крышку.

— Вы его родственникам сообщили? — спросил Верещагин у дежурного.

— Нет. Сначала полиция…

— Понятно. Не звоните никому от себя. Я уточню, кто и как должен сообщить.

Громов не хотел оказаться тем человеком, который позвонит семье и скажет о смерти Сергея, не зная, что именно произошло.

Верещагин подошёл к нему, когда медики закончили работу.

— Вы были рядом, когда он упал?

— Нет. Мы разошлись у автобуса. Я обошёл его с одной стороны, Сергей — с другой.

— Что слышали?

— Перед этим был металлический удар. Потом я увидел его на земле.

— Удар был один?

— Один, насколько я помню.

Верещагин записывал ответы в небольшой блокнот. Не перебивал и не просил повторять одно и то же, пока Громов не закончил. Только уточнил, где стояли они с Кулагиным и куда шёл автобус, который проехал за воротами. Громов рассказал про пустую машину с номером четырнадцать и отменённую строку на табло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.